

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001.

Latin D. Identity in formation: The Russian-speaking populations in the near abroad. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

Лариса Леонидовна Шпаковская

канд. социол. наук, доцент факультета социологии
НИУ ВШЭ Санкт-Петербург

электронная почта: lshpakovskaya@hse.ru

Дж. Литтл

СОВЕТСКАЯ ИНВАЛИДНОСТЬ И КОНСТРУИРОВАНИЕ МАСКУЛИННОСТИ В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

Kaganovsky L. How the Soviet Man Was Unmade: Cultural Fantasy and Male Subjectivity under Stalin. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008. 256 p. ISBN: 978-0822959939.

В монографии «Как был переделан советский человек» Лилия Кагановская анализирует советские фильмы и литературу в попытке «привнести новый взгляд на культуру сталинизма» [Kaganovsky, 2008. P. 17–18]. Ее методы раскрытия одержимости мужским телом основаны на психоаналитическом подходе, который использовали Жак Лакан, Джудит Батлер, Лора Мулвей, Ева Кософски Седжвик, Кая Сильверман и Славой Жижек. Основная идея Кагановской построена на том, что советский человек является противоречием. Идеальный сталинист «чрезвычайно силен, но безног и безрук; глубоко предан своему делу, но прикован к постели; он ясновидящий, но в то же время слепой» [P. 4]. В первой главе «Как советский человек был (пере)делан» автор анализирует автобиографическую повесть Николая Островского «Как закалялась сталь», с Павлом Карчагиным как идеальным социалистическим героем. На протяжении повествования Островский противопоставляет глубокую веру Корчагина в дело партии тем травмам и ранениям, которые он перенес. Эта часть о жертвоприношении человеческого тела советской идеологии в аргументации Кагановской является самым прямым доказательством того, что новый советский человек одновременно силен морально, но слаб физически.

Полемика последующих глав в основном построена вокруг гендерных вопросов. Третья глава посвящена фантазии о кастрации, показанной, согласно Кагановской, в фильме Пырьева «Партийный билет», выпущенном в 1936 году. В четвертой главе говорится о «гетеросексуальной панике». Мужчины пытаются создать исключительно мужское общество, в то время как они вынуждены вступать в традиционные отношения, к которым они либо

не готовы, либо таковых не желают. Инвалидность становится выходом из положения для героев социализма. Глубокий анализ Кагановской фильма «Истребители» показывает, что инвалидность создает идеальный тип гражданина сталинской эпохи и в то же время ограничивает его возможности и функциональность в рамках советской системы. В пятой главе говорится о произведении Полевого – «Повести о настоящем человеке». Здесь автор пытается найти параллели между ампутацией ног Маресьева и «идеей кастрации». Эпилог называется «Женская мужеподобность». В этой части автор пишет о постсоветском фильме Ливнева «Серп и молот». Только в этой части Кагановская открыто говорит о социальных проблемах инвалидности: герои-инвалиды предстают «разбитыми, паразитирующими, отчужденными» [Р. 174]. В заключении автор пишет о том, что использованные ею материалы открыто «ставят на карту общую веру в вымышленность сталинизма» [Р. 174].

Впечатляет глубина анализа Кагановской: она привносит уникальный взгляд на понимание того, как литература и кинематография сталинской эпохи повлияли на общество, но все же в этой работе видны прорехи, относящиеся к вопросам инвалидности. Несмотря на то, что Кагановская постоянно обращается к вопросам травм и увечий, эта тема не полностью раскрыта. Автор концентрируется, в основном, на обсуждении гендерной проблематики и гендерной политики как методов контроля над населением, однако, мало внимания уделяет другим методам, использовавшимся в сталинскую эпоху. Кагановская абсолютно верно выделяет парадоксы сталинского периода: герои, пожертвовавшие свои тела, служа государству, брошены травмированными и покалеченными. Так же, как и другие области советской культуры (особенно сталинской культуры), эта ее сторона полна противоречий. Идеальный человек – это, возможно, Сталин или герои войны, показанные в фильмах и описанные в книгах: мужественные, сильные и, самое главное, не калеки. Но, все же, есть что-то особенно героическое в образе раненого, поверженного, искалеченного. Кагановская сосредоточивает внимание исключительно на том, что эти образы говорят о мужественности и не раскрывает тему того, что они могут рассказать о сталинской системе в целом. Между тем эти образы могут рассказать о возможностях и границах мужского поведения, но они также могут в деталях раскрыть советский образ жизни.

Кагановская не затрагивает и вопросы врожденной инвалидности. Главная тема ее анализа – это «раненый ветеран», поскольку она только приводит примеры людей, покалеченных на войне или на производстве. Ее статья показывает, как в сталинскую эпоху контролировался определенный сегмент населения. Но анализ был бы гораздо глубже, если бы были включены лица с врожденной инвалидностью. Могло бы помочь дополнение статей Веры Данэм «Образы инвалидов, особенно о раненых на войне в советской литературе» или Бернис Мадисон «Программы для инвалидов в СССР» [Dunham, 1989; Madison, 1989]. Но они не приведены

в библиографии Кагановской, так же как и не упомянуты статьи из сборника «Инвалиды в Советском Союзе» [McCagg, Siegelbaum, 1989].

Очень хорошо построена аргументация относительно гетеросексуальности и гомозротики (и ее боязни), но внимание в основном вновь уделено гендерным проблемам, а не проблемам инвалидности. В результате мы видим то, что Катрин Кудлик описывает в своей статье «История инвалидности: почему нам нужны новые "другие"» [Kudlick, 2003]. Исследователи продолжают обращаться к вопросу инвалидности не напрямую, а второстепенно. Кудлик считает, что эта боязнь происходит от того, что каждый из нас в любой момент может стать инвалидом. Поэтому эту тему обсуждать неудобно. Но важность анализа инвалидности и ее роли в обществе совершенно очевидна. Это особенно важно, когда мы говорим о советском периоде, поскольку инвалидность являлась одним из способов, использовавшихся властью для контроля населения. И советский мужчина не столько боялся кастрации (как пытается доказать Кагановская), сколько потери независимости и свободы.

Кагановская логично описывает стереотипы мужского поведения в советский период. Она объединяет исследования, сделанные после распада СССР, с психоанализом, чтобы придать новый характер вопросу гендерных проблем. Однако заманчивая идея сочетания такого подхода с вопросами инвалидности в ее работе не осуществлена. Монография Кагановской, безусловно, представляет новый и необычный взгляд на то, как оценивалось мужское тело в сталинскую эпоху. Но как анализ инвалидности в ранний советский период эта книга является лишь началом исследования.

Список литературы

Dunham V. Images of the Disabled, Especially the War Wounded, in Soviet Literature // *The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice* / ed. McCagg W. and L. Siegelbaum. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1989. P. 151–165.

Kudlick C. Disability History: Why We Need Another "Other" // *The American Historical Review*. Vol. 108. № 3. 2003. P. 763–93.

Madison B. Programs for the Disabled in the USSR // *The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice* / ed. McCagg W. and L. Siegelbaum. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1989. P. 167–198.

McCagg W. and L. Siegelbaum (eds). *The Disabled in the Soviet Union: Past and Present, Theory and Practice*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1989.

Джон Дуглас Литтл

докторант, преподаватель Колледжа наук и искусств Американского университета в Вашингтоне, США

электронная почта: jl3245a@american.edu